

Валдайские
записки

#08 | Декабрь 2014

Университеты как участники и
орудия дипломатической
деятельности.
Потенциал мягкой силы высшего
образования

Этторе Деодато
Ивона Борковска

Хотелось бы предварить этот выпуск «валдайских записок» (идуций под номером 8) несколькими словами. На наш взгляд, именно сочинение Этторе Деодато и Ивоны Борковски об Университетах как нельзя лучше иллюстрирует внутреннюю интенцию нынешнего «Валдайского клуба». А именно – стремление к универсальному знанию об универсальном мире, стремление, понимаемое как важнейшей инструмент организации и самоорганизации существования человечества. Конечно же, непрерывность мировых конфликтов может затянуть нас в трясину повседневной и поверхностной политологической дискуссии, в то время как цель наша – оказаться способными увидеть за деревьями – лес, за поверхностными колебаниями - суть процессов. Университеты потому и участники и орудия дипломатической деятельности, что они основа интеллектуальной созидательной деятельности человечества. Существование и развитие космоса, в котором мы живем - предмет Университета, формирующего субъектов этих процессов. И это блистательно показано в приведенной ниже работе. Мне кажется, повторю, трескотня слухов и поверхностных суждений о бесконечно текущих конфликтах беспокойного людского мира, должна быть уравновешена способностью видеть и говорить о мире и влиянии на него на уровне Универсума. И нет ничего лучше места для этой способности, чем Университет. Читайте, коллеги!

Председатель совета Фонда развития и поддержки клуба «Валдай»

Андрей Быстрицкий

Университеты сродни «броненосцам первого десятилетия 20-го века» - именно так, не таясь, рассуждают об основной функции современных университетов мирового класса некоторые нынешние политические лидеры. По их мнению, наличие таких университетов является показателем мощи страны и её международного престижа. Разница в средней продолжительности жизни ратует в пользу современных эквивалентов таких показателей. Впрочем, для их поддержания на этом уровне нужны постоянное совершенствование профессиональных умений и капиталовложения. Образование – это серьёзнейший труд и нет никакой необходимости и дальше пользоваться в отношении него терминами из области судостроения или военного дела. Гораздо больше подошли бы понятия из словаря политиков и экономистов. Вызовы, стоящие перед академическими кругами, можно преодолеть и обратить в благоприятные возможности только с помощью интенсивного сотрудничества на транснациональном и межсекторальном уровне. Планы по интернационализации строятся на основе рассмотрения финансовых и политических возможностей вузов. Они покоятся на академических и универсальных ценностях, лежащих в основе мягкой силы сектора образования. А стало быть, всем заинтересованным сторонам тем более необходимо признать наличие огромного неиспользуемого потенциала за учреждениями, которые до сих пор не рассматривались в качестве бесспорных или (в силу каких-то причин) удобных партнёров.

Европейские программы базируются на инструментальной логике и используются как мягкая сила: в них моделируются предпочтения как стран-партнёров, так и самих государств-членов ЕС, с тем, чтобы поставить их все на службу интересам ЕС. Наиболее значимое достижение ЕС – это выработка культуры мира. Но модель ЕС имеет свои ограничения. Она не может играть роль по стабилизации мира во всём мире, поскольку международные организации, как оказывается, недостаточно эффективны. Поэтому понятие «силы» опосредуется современными вызовами, с которыми ни одна сверхдержава не в состоянии справиться в одиночку. Университетам следует осознать, что марка «Европа» может быть более успешной, нежели «ЕС», так как её преимущество заключается во владении историческим и культурным наследием Старого континента. Чтобы обратить его себе на пользу, университеты по обе стороны разделительной линии должны идентифицировать и устранить барьеры, мешающие естественным и достойным отношениям между Россией и ЕС.

Подсчёты свидетельствуют о том, что сотрудничество между российскими вузами и вузами стран ЕС ограничено рамками программ рабочего партнёрства. На начальной стадии применения программы «Erasmus» особое внимание обращалось на две её отличительные черты: большой объём финансирования и более широкий спектр возможностей для сотрудничества со странами, не входящими в Европейский Союз. Для многих это был шанс расширить уже установленные контакты. Как следствие должна была повыситься мобильность студенчества, готового наверстывать упущенное в те времена, когда воспользоваться подобными возможностями было не так легко. Что касается сотрудничества с Россией, то потенциал новой программы не удалось использовать в полную силу по причине событий и конфликтов, разворачивающихся за пределами академического мира.

Академический престиж

Почему высшее образование становится интернациональным? На правительственном уровне для этого есть множество причин и едва ли не главная состоит в том, что руководителям государства хочется, чтобы их страна прослыла обладательницей университетов мирового класса. Академического престижа не достигнуть за счёт международной «репутации». «Мировой класс» означает МИРОВОЙ класс, а не «первый» или «высший», и измеряется только лишь международным размахом деятельности учебного заведения (способностью привлекать значительное число студентов и учёных из-за границы) и применением международных стандартов для обеспечения качества обучения и научных исследований. Наконец, но не в последнюю очередь, он зависит от наглядности и активности участия в сетях и проектах. В то же время, узконациональный подход считается в академическом смысле менее притязательным и не способствует победе вуза в остро конкурентной среде.

Европа твёрдо намерена стать для всего мира привлекательным партнёром и располагает целым набором средств для достижения этой цели. Участники Европейской зоны высшего образования, в которую входят несколько не-членов ЕС, включая Российскую Федерацию, должны энергично двигать вперёд процессы стандартизации и сотрудничество в деле повышения релевантности научных исследований и учебных программ, сопоставимости структур научных степеней, квалификационных рамок, обеспечения качества обучения, по приложениям к диплому, и т.д. Если же нет... Имеются свидетельства существования (академической) жизни и вне Европы (везде), свидетельства того, что за развитием событий у нас следят, и что нашими стратегиями вполне толково пользуются. Впрочем, можно многому поучиться и у тех, кто проводит реформы и внедряет инновации в том, другом мире: ведь технология непрерывного образования и приёмы обеспечения качества обучения придуманы отнюдь не в наших географических широтах.

Как университеты подменяют собой дипслужбы – культура и мобильность как факторы примирения

Международные компоненты высшего образования не новы. На этот счёт историки отсылают нас к временам средневековья, когда по немощёным дорогам континента, погружённого в пучину Тридцатилетней войны, бродили лёгкие на подъём школяры и схоластики. «Бесславная» война, закончившаяся подписанием Вестфальского мирного договора, была чудовищной бойней, в которую оказались втянутыми восемь знаменитых в дальнейшем стран Европы: Богемия, Бавария, Испания, Англия, Франция, Дания, Норвегия и Нидерланды. Поскольку дипломатические отношения (в современном смысле слова) между этими образованиями все тридцать лет не двигались с мёртвой точки, следует отметить незатихающую активность «академий», «школ», «бродячих клириков» (странствующих учёных, студентов, учителей), каковая одновременно, словно «подземная река», подмывала и

подтачивала многообразные нестроения там, где учёные мужи обладали влиянием – в среде образованных и культурных людей нескольких вовлечённых в войну регионов.

В центре Германии князь-аббат Фульдского аббатства Бальтазар фон Бернбах, также заведовавший Studium в Фульде, был одновременно инквизитором и «магистром» богемских, голландских и французских учёных. Протестантский герцог Генрих Юлий Брунsvикский был учителем теологии (устраивавшем охоту на ведьм) и время от времени наезжал в Лейден, умножая славу тамошнего университета, основанного в 1575 году. Его присутствие и наличие в числе преподавательского состава выдающихся учёных из разных стран, включая Юста Липсия, Иосифа Скалигера, Франциска Гомара, Гуго Гроция, Якоба Арминия, Даниэля Гейнзиуса и Гергарда Иоганна Фоссиуса, способствовало тому, что Лейденский университет за короткое время стал авторитетнейшим учебным заведением, привлекавшим студентов со всей Европы. Большинство их приезжало из других центров образованности, в том числе из охваченных войной регионов. В январе 1632 года (этот год был отмечен наиболее жестокими событиями войны) городские власти Амстердама учредили школу Athenaeum Illustre. Одним из первых её профессоров стал Гергард Фоссиус, который, что особенно важно, за три года до этого – на пике войны между католиками-испанцами и протестантами-голландцами – преподавал анатомию в университете Саламанки.

Особенно много примеров транскультурных устремлений учёных находим в анналах европейских конфликтов и войн. После Второй мировой войны, университеты Тура и Гейдельберга обменивались студентами и преподавателями уже в сентябре 1945 года. Несмотря на предшествующую схватку не на жизнь, а на смерть между Францией и Германией надо было думать об удовлетворении будущих потребностей и предотвращении будущих угроз.

Университеты более или менее явно следуют давней традиции «нравственного и культурного воздействия». Жадность до обмена идеями и глубокое понимание необходимости такого обмена давали силу в преодолении преград. Неудивительно поэтому, что в начале 80-х годов прошлого века, за 25 лет до своего вступления в ЕС, страны Варшавского пакта получили приглашение присоединиться к программам Евросоюза TEMPUS и ERASMUS. Как-никак, помощь – лучшая дипломатия. После распада СССР в рамках программы Erasmus Mundus с европейскими партнёрами активно сотрудничали уже Российская Федерация и другие постсоветские страны.

Благоприятные условия, создаваемые для дипломатии академическим сообществом, обусловлены большой осведомлённостью и непредубеждённым взглядом на вопросы истории, политики, культуры и экономики, свойственными многодисциплинарным группам независимых исследователей и учёных. Действенность академической мягкой силы обеспечивается, с одной стороны, обменом идеями, информацией, познаниями в искусстве и культуре, а, с другой стороны, каскадным эффектом образования. Тем самым, вопреки политическим разногласиям и санкциям, закладывается позитивная повестка дня сотрудничества и создаётся нейтральная площадка для личных контактов, что служит гибким, общепризнанным средством общения со странами в условиях политической напряжённости или приостановки дипломатических отношений.

Проверенным орудием дипломатии является языковая политика. В этом смысле курсы по изучению иностранных языков можно сравнить со своего рода «Троянским конем», что блестяще подтверждается примером Британского совета, который во времена тяжёлых кризисов в международных отношениях выступал в роли дипломатического представительства. Британский совет по связям с другими странами был основан в 1934 году Министерством иностранных дел Соединённого Королевства. Он предлагал новый подход, альтернативный традиционному ведению иностранных дел. Этот подход получил название «культурной пропаганды» и в широком смысле истолковывался как «распространение британских идей и представлений в общем плане», а не в строго политическом ключе. Надежды, которые возлагают на культурную пропаганду, связаны с тем, что она будет не только способствовать укреплению влияния и престижа Великобритании за рубежом, но также эффективно содействовать распространению идеалов взаимопонимания и мира во всём мире. На начальном этапе Британский совет сосредоточился на поддержке англоязычного образования за границей и пропаганде английской культуры. Были задействованы специалисты в этой области, начавшие выступать с лекциями перед учениками школ и студентами вузов. Из страны в страну колесили музыкальные коллективы, устраивавшие представления прямо на обочине дорог. Пропагандировалось английское искусство. В результате БС стал крупнейшей в мире организацией, занимающейся обучением английскому языку: в настоящее время он располагает 70 учебными центрами в 53 странах.

С соответствующими поправками, сфере высшего образования Европы, где испытывают глубокую озабоченность трудоустройством выпускников и стремятся наладить преподавание новых/редких предметов, следует быть готовой к расширению сети курсов русского языка. Следует заручиться поддержкой российских университетов, подключив их к всеобъемлющим образовательным проектам, и договориться о субсидиях из внешних источников. В последнее время наблюдается несомненное падение интереса к овладению русским языком в странах, где в недавнем прошлом его изучение навязывалось сверху. Однако, учитывая огромный потенциал русскоязычного рынка труда, а также желание многих получить хорошую работу и сделать необычную карьеру, можно ожидать своего рода «возрождения». И как раз здесь-то и способны сыграть свою роль университеты стран ЕС и российские университеты, заинтересованные в увеличении собственного веса в сфере преподавания современных языков и развития межкультурных связей. Большой потенциал в этом смысле имеет программа «Жан Монне – Действие», которая предоставляет российским институтам возможность развивать европейское направление деятельности в сочетании со значительным объёмом прогрессивного финансирования.

Часто говорят, что университетская деятельность в поддержку дипломатии нацелена на воспитание «гражданина мира». В расчёте на то, что освоению знаний будет сопутствовать смена установок – рост «светской искущённости», большая расположенность к стране-партнёру, увеличение восприимчивости к чужим культурам – были созданы различные программы повышения студенческой мобильности. Однако, учитывая раздробленный, неоднородный и по-прежнему неодолимо национально-государственный характер «шарика», термин «гражданин мира» представляет собой скорее образчик прекраснотушных мечтаний, каковые, увы, часто присутствуют в риторике демиургов высшего образования. Внушать безоговорочную «терпимость к другим культурам» есть дело не только оторванное от

действительности, но и опасное, поскольку существуют такие культуры, чьи ценности совершенно «нетерпимы» с точки зрения задач образования. По идее, знакомство с другими культурами и сознательная переработка приобретённого таким путём опыта способствуют воспитанию «более совершенного гражданина», а не гражданина мира. Вращаясь в обществе, «более совершенные граждане» способны добиться значительных дипломатических успехов, будь то в укреплении мира во всём мире, или внося целенаправленный вклад в дело урегулирования региональных конфликтов.

Интернационализация высшего образования и мягкая дипломатия

В противоположность более или менее стихийным перемещениям студентов, учёных и идей в 17 веке, целенаправленное применение дипломатическая составляющая международного высшего образования получила в французской и английской колониальных империях, где озаботились воспитанием колониальных элит в духе дружбы с имперскими менторами. На современном языке – это укрепление потенциала и экспансия в одном флаконе. Иная разновидность дипломатии развилась в годы «холодной войны» вследствие возникновения массовых систем высшего образования и убыстряющейся интернационализации высшего образования и научных исследований: Советский Союз и его восточноевропейские сателлиты производили систематические наборы студентов в странах Африки, Азии и Латинской Америки.

Роль движителей дипломатии сегодняшнего дня приписывается глобализации свободного рынка и обществу знаний. Вузы всё чаще признают подчинённость своих стратегий интернационализации рыночным выгодам. Кроме того, всё более очевидными становятся политические (а, стало быть, и военные) задачи стран и регионов. Расширение дипломатического влияния – это лишь одна из семи главных целей, из которых исходит политика интернационализации разных стран. В число этих целей входит приглашение высококвалифицированных преподавательских и научных кадров, обеспечение коммерческих выгод, укрепление академического престижа, проведение реформы высшего образования и поиск негосударственных (не национальных) источников финансирования.

Наиболее важная перемена, происходящая в современной дипломатии, – это переход от «жёстких» форм к «мягким» формам. Такая спланированная и систематически проводимая культурная дипломатия предоставляет в распоряжение поставщиков образования широкий круг мотиваций, видов деятельности, источников данных и интеллектуальных средств. Во времена, когда возрастает вероятность войны, жизненно важна мобилизация всех «мягких ресурсов». В обществах, достаточно долго живших в условиях демократии, глубокое осознание этой опасности не очень распространено, так как большинство верит, что перемены не могут пойти в обратном направлении.

Башни из слоновой кости. Миссия университета

В сущности, результаты деятельности университетов зависят от качества работы коллективов и стиля управления. А эти факторы зависят от внутреннего восприятия миссии университета. Из всех возможных моделей задаче поддержания политической стабильности вуза наиболее полно отвечают две: идеалистическая и инструментальная. Идеалистическая модель в целом менее популярна, но в некоторых странах её по-прежнему чтут. В соответствии с этим подходом, университет в равной мере занимается и научными исследованиями, и обучением и «поиском истины» вне зависимости от пригодности к использованию и применимости научных истин, политической пользы и экономических выгод. Университет, задачи которого понимаются подобным образом, работает на общество в целом, а не ради выгод акционеров или просто тех, кто готов платить университету за предоставляемые услуги. В Европе опошляется понимание природы университета, но в ней ещё остаются башни из слоновой кости, где игнорируют запросы экономики и общества. По утверждениям их руководителей и членов преподавательского состава, они не чувствуют какого-либо давления со стороны национальных правительств с целью изменить их политику и решения. Но ещё удивительнее то, что давление и побуждения, способные повлиять на их профессиональную деятельность или сделанный выбор, не ощущаются даже изнутри.

В свою очередь инструментальная модель усиленно рекламируется и находит широкое применение. Она подразумевает, что университет является орудием государственной политики и призван содействовать разрешению текущих социальных и экономических проблем. Два движителя такого подхода суть влияние правительств и внешних акционеров, с одной стороны, и необходимость того, чтобы вузы занимались предпринимательством, с другой.

Университеты не могут не быть частью общей картины во всех её экономических, социальных, демографических и политических аспектах; как все крупные игроки, они должны соответствующим образом реагировать на угрозы и стремиться использовать представляющиеся возможности. Вдобавок, подвергаясь воздействию так называемой волны Тоффлера со всеми вытекающими отсюда последствиями, высшие учебные заведения всё чаще должны доказывать необходимость своего существования. Отсюда выгода применения инструментального подхода, который обеспечивает выигрыш на всех уровнях (престиж, доходы, заметность в обществе, факторы рекламы и прочая, и прочая).

Однако модели подразумевают твёрдое обязательство принимать участие в дипломатической деятельности, как бы ни различались толкования этого понятия. Идеалистическая модель воплощает утопическую мечту о естественной эволюции в направлении всеобщего взаимопонимания и мира, тогда как инструментальная прагматично и в стратегическом ключе реагирует на текущие потребности. Политическая эффективность и практическая выгода, выраженные в терминах общественного блага и институционального единства.

Институциональные стратегии: международная составляющая

Европейский Союз осуществляет внешнюю и внутреннюю политику посредством управления грантами, ибо через программы ЕС доводятся ясные и понятные директивы в отношении делового сотрудничества и оказывается постоянная помощь в определении приоритетов. То же самое относится и к международному сотрудничеству вузов. Приверженность последнему должна гарантироваться в институциональной стратегии и может охватывать некоторые из нижепоименованных областей и видов деятельности:

- вузовские программы (обучение и трудовая мобильность для студентов и преподавательского состава, изучение языков, инновации и интернационализация учебных программ, обучение по темам, педагогические инновации, совместная/двойная учёная степень, кросскультурная подготовка, дистанционное образование, летние школы и т.д.);
- научные исследования (областные и тематические центры, совместные исследования и исследовательские обмены, международные конференции и семинары, публикации, деловое сотрудничество, сети, альянсы и партнёрства, и т.д.);
- операции и услуги (интеграция внешних источников финансирования, системы распределения ресурсов, обеспечение качества и системы связи, «Интернационализация дома», интернационализация политики в области высшего образования, международные мобильные услуги поддержки студентов, подготовка профессорско-преподавательского состава, и т.д.).

По своей природе причины, по которым вуз желает подключиться к международному сотрудничеству и вкладывать в него средства, могут быть различными: социально-культурными (национальная культурная идентичность, межкультурное взаимопонимание, воспитание гражданственности, социальное и общинное развитие); политическими: внешняя политика, национальная безопасность, техническая помощь, мир и взаимопонимание, национальная идентичность, региональная идентичность; экономическими: рост и конкурентоспособность, рынок труда, финансовое стимулирование; и академическими: интернационализация научных исследований и преподавания, расширение горизонтов планирования, институциональное строительство, профиль и статус, повышение качества, международные стандарты обучения. Как видно из вышеприведённых причин, потенциальные результаты явно находятся в зависимости от степени дипломатического воздействия. Кроме того, формулирование глобальной перспективы обеспечивает использование интернационализации в качестве важнейшего орудия управления, а также постоянное совершенствование институциональной культуры.

Разрабатываемые в области высшего образования стратегические планы должны опережать действительность и принимать в расчёт долгосрочную перспективу. Некоторые оперативные задачи интернационализации легкодостижимы и вскоре нуждаются в доработке и

расширении, что обязывает вузы выходить за пределы нынешней зоны комфорта и проявлять инициативу в деле налаживания транснационального и транссекторального сотрудничества.

Заключение

Учитывая широко распространённые ожидания в отношении инициатив со стороны ЕС и России, похоже, что урок стратегического мышления до поры до времени усвоен на «отлично». Огромная привлекательность восточного партнёра не может не притягивать внимания политиков, организаций и отдельных заинтересованных лиц. В обеих частях Европы накоплен значительный потенциал мягкой силы, который способен стать ещё больше вследствие синергетического сложения.

Но такое сотрудничество породит и проблемы сродни тем, что на ранней стадии подорвали и даже дискредитировали усилия, предпринятые в географически и политически куда менее чувствительных рамках. Политические обстоятельства – не единственное и даже не самое серьёзное из всех препятствий на пути к трансграничному сотрудничеству. Но пример европейской интеграции показывает, что мягкая сила, применяемая в области высшего образования и через её посредство, - очень действенное средство в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Об авторах:

Этторе ДЕОДАТО, Руководитель группы, Офис европейских проектов, Policlinico and Medical School of Siena, профессор программы Жана Моне, Университет Адама Мицкевича (Познань, Польша). Занимал различные позиции в Европейской Комиссии в области образовательных программ.

Ивона БОРКОВСКА, руководитель Центра Международного Образования, Университет Адама Мицкевича (Познань, Польша). Занимала различные позиции в Университете Адама Мицкевича в области международного академического сотрудничества.